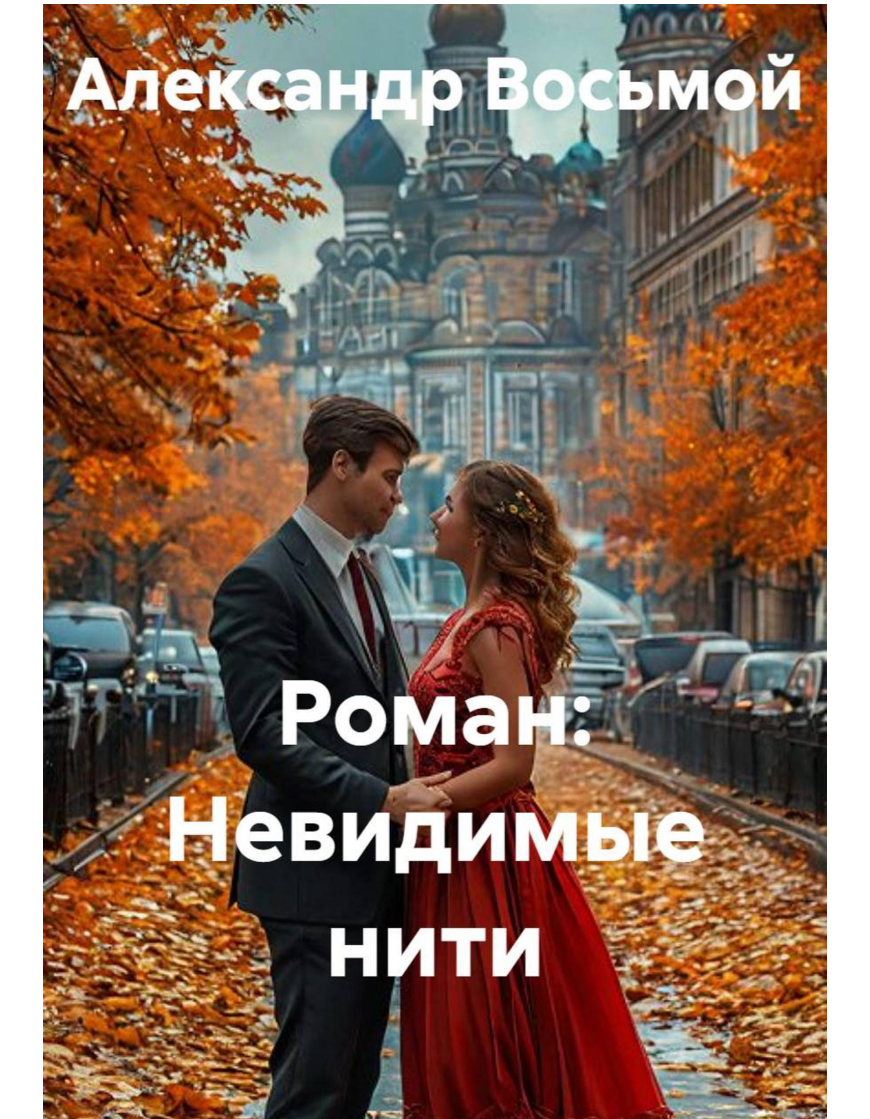

A romantic couple stands on a city street covered in fallen orange leaves. The man is in a dark suit and the woman is in a red dress. In the background is a large, ornate Russian church with blue domes. The scene is framed by trees with vibrant autumn foliage.

Александр Восьмой

**Роман:
Невидимые
нити**

Александр Восьмой

Роман: Невидимые нити

<https://litres.ru/74200163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой Оптима и Наталия Новикова. Их пути пересекаются в городе, где всё кажется случайным, но каждая встреча будто подстроена невидимой силой. Оптима видит в Наталии загадку, которую обязан разгадать, а Наталия чувствует, что этот человек способен разрушить её тщательно выстроенную защиту. Их флирт — это танец на краю: лёгкий, искрящийся, но с каждым поворотом всё более опасный для их сердец.

Александр Восьмой

Роман: Невидимые нити

Глава 1. «Случайная встреча, которой не могло быть»

Дождь хлестал по асфальту, будто пытался смыть с города всю его усталость, всю накопившуюся за день серость. Капли били по козырькам, стекали по стёклам витрин, превращая неоновые вывески в размытые пятна света — красные, синие, золотые, — которые дрожали и переливались, как живые. Город стал зеркалом: в каждой луже отражались огни, в каждом мокром тротуаре — бесконечная череда отражений, будто мир раскололся на тысячи похожих, но чуть отличающихся друг от друга реальностей.

Оптимист шёл, не глядя по сторонам. Он привык двигаться по городу как по лабиринту, где каждый поворот, каждый перекрёсток — уже выученные, почти автоматические. В одной руке — зонт, который едва справлялся с напором ливня, в другой — стопка папок, прижатая к груди, словно щит. Мысли его были заняты срочным отчётом, звонком, который нельзя пропустить, и ещё десятком мелких, но безжалостно требовательных дел. Он не замечал ни того, как ветер рвёт края зонта, ни того, как вода уже пробралась под воротник пальто.

И вдруг — столкновение. Резкое, неожиданное, будто са-

ма улица решила нарушить привычный ритм. Что-то твёрдое, живое врезалось в него, и в ту же секунду папки выскользнули из рук, как будто сами захотели вырваться на свободу. Листы взметнулись в воздух, подхваченные порывом ветра, и разлетелись по мокрому асфальту, словно карты из колоды, брошенные чьей-то небрежной рукой.

— Ой! — вырвалось у него, и это короткое слово прозвучало нелепо громко среди шума дождя.

Перед ним стояла девушка. Наталия Новикова. Он ещё не знал её имени, но в тот миг оно будто уже звенело где-то на краю сознания, готовое сорваться с языка. Она замерла на долю секунды — мокрая прядь прилипла к щеке, плащ потемнел от воды, а в глазах мелькнуло то ли раздражение, то ли удивление. Потом она вдруг рассмеялась — не издевательски, не холодно, а так, будто сама нелепость ситуации показалась ей чем-то до смешного правильным.

— Кажется, вы только что устроили мне персональный снегопад, — сказала она, наклоняясь, чтобы подобрать один из листов. Бумага уже начинала размокать по краям, чернила слегка расплывались, превращая ровные строчки в абстрактный узор.

Оптимист застыл, потом спохватился и тоже присел, неловко пытаясь ухватить сразу несколько листов, но они выскальзывали из пальцев, мокрые и упрямые.

— Простите, я... я не смотрел, куда иду, — пробормотал он, чувствуя, как нелепо звучат эти слова. Как будто из-

виняться за то, что не видел мира вокруг, — самое слабое оправдание на свете.

— Зато теперь точно видите, — снова улыбнулась Наталия, и в этой улыбке было что-то, от чего внутри у него на мгновение всё замерло. Не просто вежливость, не просто реакция на неловкость — в ней мелькнула искра, будто она знала какой-то секрет и была готова им поделиться, если он окажется достаточно внимательным.

Они собирали листы молча, потом снова перебрасывались короткими фразами, которые не значили ничего и в то же время значили слишком много. «Осторожно, этот уже совсем раскис». «Лучше держите его за угол». «Кажется, тут был важный график». И каждый раз, когда их пальцы случайно соприкасались над мокрым листом, по коже пробежал лёгкий разряд — не электрический, а какой-то другой, будто город, дождь и все эти нелепые совпадения вдруг настроились на одну частоту.

Когда последние листы были собраны, Оптима наконец поднял глаза и посмотрел на неё по-настоящему — не мельком, не сквозь суету, а так, словно впервые увидел не просто девушку под дождём, а целый неизведанный мир.

— Спасибо, — сказал он, и это слово вдруг показалось ему слишком маленьким для того, что он хотел выразить. — Без вас я бы тут до утра собирал эти бумаги.

Наталия отряхнула ладони, будто сбрасывая с них капли, и чуть наклонила голову, изучая его так же внимательно, как

он её.

— Может, это судьба, — пошутила она, но в голосе прозвучала едва уловимая пауза, как будто она сама не до конца верила в то, что говорит. Или, наоборот, верила слишком сильно.

Оптима улыбнулся — впервые за весь день искренне, без напряжения.

— Тогда судьбе стоило бы быть поаккуратнее. Я чуть не утопил половину своих планов.

— Зато приобрели кое-что новое, — она кивнула на папки, которые он теперь прижимал к себе чуть крепче, будто они вдруг стали не просто документами, а чем-то важным. — Например, повод не спешить.

Он хотел что-то ответить, но слова застряли где-то в горле, потому что в этот момент дождь будто стал тише, а огни города — ярче. Мир снова замер на секунду, и в этом мгновении было что-то большее, чем просто случайная встреча под ливнем.

— Меня зовут Оптима, — сказал он вдруг, сам не понимая, почему именно сейчас это показалось таким важным.

— Наталия, — ответила она, и её имя легло на слух так естественно, будто он знал его всегда.

Они стояли под дождём, мокрые, немного растерянные, но в их взглядах уже зарождалось что-то новое — лёгкий, искрящийся флирт, похожий на танец на самом краю пропасти. Ещё один шаг — и можно упасть. Но пока они баланси-

ровали, ловя равновесие в каждом слове, в каждой паузе, в каждом случайном касании. И пусть всё выглядело как нелепая случайность, где-то глубоко внутри оба чувствовали: эта встреча была подстроена невидимой силой. И теперь ни один из них уже не мог просто пройти мимо.

Глава 2. «Кофе, который меняет правила»

Утро выдалось обманчиво спокойным — будто город решил перевести дух после вчерашнего ливня. Небо было бледно-серым, но уже без тяжёлых свинцовых туч, а воздух пах свежестью и обещанием чего-то нового. Оптима шёл по знакомой улице, и каждый шаг отзывался внутри странным предвкушением — не тем, что бывает перед важной встречей, когда всё расписано по пунктам, а тем, от которого слегка дрожат пальцы и хочется одновременно и спешить, и замедлиться.

Он заранее выбрал кофейню — не модное место с громкой вывеской, а небольшую, почти неприметную, спрятавшуюся между книжным магазином и цветочной лавкой. Здесь пахло обжаренными зёрнами и ванилью, а свет был мягким, как будто специально приглушённым, чтобы не тревожить тишину. Оптима пришёл чуть раньше, заказал себе чёрный кофе и теперь сидел у окна, наблюдая, как капли стекают по стеклу, оставляя тонкие дорожки, похожие на случайные узоры судьбы.

Когда в дверь вошла Наталия, время будто на секунду за-

мерло. Она остановилась на пороге, стряхнула с капюшона остатки влаги, огляделась — и их взгляды встретились. В её глазах мелькнуло что-то неуловимое: лёгкое удивление, едва заметная улыбка, которую она тут же попыталась спрятать.

— Ты будто ждал именно этого момента, — сказала она, подходя к столику, и в её голосе прозвучал тот самый скрытый вызов, который Оптима уже успел запомнить.

— Я ждал именно тебя, — ответил он спокойно, но внутри всё сжалось от собственной смелости. Это было не признание, а скорее игра — тонкая, осторожная, где каждое слово могло стать либо мостом, либо преградой.

Наталия села напротив, положила сумку на соседний стул, сняла капюшон. Мокрые пряди волос легли на плечи, и на миг ему захотелось сказать что-то простое и искреннее — например, что она красиво выглядит даже после дождя. Но он сдержался. Вместо этого он подвинул к ней меню.

— Здесь делают лучший лавандовый раф в городе. Или, если хочешь, могу посоветовать что-то более классическое.

Она склонила голову, изучая строчки, будто в них был спрятан какой-то секрет.

— А если я скажу, что люблю горький шоколад и ненавижу лаванду?

Оптима улыбнулся — не широко, а так, чтобы в улыбке читалось: «Я готов учиться».

— Тогда я запомню. И больше никогда не предложу тебе лавандовый раф.

Официантка подошла, приняла заказ — Наталия выбрала эспрессо с кусочком шоколадного торта, Оптима — ещё одну чашку чёрного кофе. Когда они остались наедине, между ними повисла пауза — не неловкая, а наполненная чем-то важным, как тишина перед первым аккордом любимой песни.

— Знаешь, — начала Наталия, чуть наклоняясь вперёд, — обычно я не пью кофе с незнакомцами.

— А со мной ты уже решила сделать исключение? — подхватил он, балансируя на грани флирта и серьёзности.

— Пока это просто любопытство, — призналась она, и в её взгляде мелькнула искренность, которую она, казалось, не собиралась показывать. — Ты вчера так неловко ронял бумаги, что мне стало интересно: это твой фирменный стиль или просто особенный день?

— О, это фирменный стиль, — легко согласился Оптима, чувствуя, как напряжение понемногу уходит. — Но только с теми, кто заставляет меня терять равновесие.

Их взгляды снова встретились, и в этот раз в них было чуть меньше осторожности и чуть больше тепла. Кофе принесли, и первые глотки стали ещё одним поводом для маленьких открытий: Наталия морщилась от горечи, но всё равно допивала, потому что, как она призналась, «в горечи есть своя правда». Оптима слушал, запоминая каждую деталь — как она держит чашку, как чуть приподнимает бровь, когда не согласна, как в её словах прячется целая вселенная.

недоговорённостей.

Разговор кружил вокруг мелочей: любимых книг, которые на самом деле никто не дочитал, фильмов, которые смотрят ради одной сцены, городов, в которых хочется потеряться хотя бы на день. И с каждым словом дистанция между ними становилась чуть меньше, хотя оба делали вид, что ничего не замечают.

— Ты всё время смотришь на меня так, будто пытаешься разгадать какой-то шифр, — вдруг сказала Наталия, поставив чашку на блюде с лёгким звоном.

Оптимист не стал отводить взгляд.

— Потому что ты и есть шифр. Красивый, сложный, и я боюсь ошибиться в одной букве — и всё прочтётся неправильно.

Она замерла на мгновение, потом тихо рассмеялась — и в этом смехе было что-то освобождающее, как будто она наконец позволила себе не быть идеальной.

— Может, я и не хочу, чтобы меня разгадали, — прошептала она, но в её глазах уже не было холода. Там было приглашение — осторожное, едва уловимое, но настоящее.

Они просидели в кофейне дольше, чем планировали. За окном город продолжал жить своей жизнью: проносились машины, спешили прохожие, ветер шевелил листья на деревьях. Но внутри этого маленького пространства время текло иначе — медленнее, глубже, наполненное смыслом каждой паузы и каждого взгляда.

Когда Наталия встала, чтобы уйти, Оптима не стал её задерживать. Он просто проводил её до двери, вдохнул прохладный воздух и вдруг понял: этот кофе действительно изменил правила. Теперь он знал, что не сможет просто пройти мимо, не заметив её. И, судя по тому, как она на прощание чуть задержала взгляд, Наталия тоже это почувствовала.

— Спасибо за кофе, — сказала она, уже стоя на пороге.

— Это тебе спасибо, — тихо ответил он. — За то, что согласилась.

Дверь закрылась, и он остался стоять, вдыхая запах кофейни и чувствуя, как внутри разгорается что-то новое — не просто интерес, а желание узнать её всю: каждую тайну, каждую улыбку, каждую причину, по которой она так старательно держала дистанцию. И он был готов играть в эту игру — осторожно, внимательно, не торопясь. Потому что теперь он точно знал: их встреча не была случайностью. И впереди их ждало ещё много разговоров — и много чашек кофе.

Глава 3. «Город как сообщник»

Ночь накрыла город плотной вуалью, но не затемнила его — наоборот, сделала ярче. Огни вспыхивали повсюду: в витринах, на рекламных щитах, в окнах высоток, где кто-то ещё не спал и смотрел в темноту, будто искал ответы. Воздух был холодным, колючим, он забирался под куртки, заставлял плотнее кутаться и невольно прижиматься друг к другу — не из страсти, а из простой человеческой потребности согреть-

ся. И в этом было что-то удивительно правильное.

Оптима шёл чуть впереди, будто знал, куда ведёт, хотя на самом деле просто хотел показать ей свой город — не тот, что на открытках, а настоящий: с обшарпанными стенами, с тихими дворами, где эхо шагов звучало как признание, с лестницами, которые вели неизвестно куда, но манили подняться.

— Ты уверена, что хочешь сюда? — спросил он, когда они свернули в узкий переулок, где свет фонаря дрожал, как усталое сердце. — Тут не очень-то красиво.

Наталия улыбнулась и запахнула куртку, пряча подбородок в воротник.

— Я не за красотой пришла, — сказала она. — Я пришла посмотреть, какой город ты видишь.

Он замер на мгновение, будто эти слова были важнее любых комплиментов.

— Тогда идём, — кивнул он. — Покажу тебе место, где город говорит громче всего.

Они прошли через арку, за которой прятался маленький заброшенный дворик. Стены здесь были покрыты граффити — яркими, дерзкими, будто кто-то выплеснул на них все свои мечты и обиды. Здесь пахло краской и дождём, и в этом запахе было что-то живое, настоящее.

— Это твоя галерея? — спросила Наталия, проводя пальцами по шероховатой стене, где среди надписей пряталась маленькая птица с распахнутыми крыльями.

— Да, — признался Оптима. — Иногда я прихожу сюда, когда нужно подумать. Тут никто не мешает. Город сам подсказывает, что делать.

Она посмотрела на него — внимательно, без привычной иронии, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Значит, город твой союзник.

— А сегодня — ещё и сообщник, — улыбнулся он.

Дальше была лестница — старая, железная, скрипучая, ведущая на крышу соседнего дома. Оптима поднимался первым, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что Наталия не отстаёт. Она шла уверенно, будто не боялась высоты, не боялась темноты, не боялась того, что ждёт наверху.

Когда они вышли на смотровую площадку, город распахнулся перед ними, как огромная карта возможностей. Тысячи огней, бесконечные линии улиц, мосты, похожие на светящиеся нити, — всё это лежало внизу, маленькое и в то же время бесконечно большое. Ветер был сильным, он рвал слова с губ, уносил их куда-то в темноту, и чтобы услышать друг друга, приходилось наклоняться ближе.

— Тут всегда так? — крикнула Наталия, перекрывая шум ветра.

Оптима подошёл к краю, осторожно, но без страха, и кивнул.

— Почти. Иногда кажется, что если крикнуть достаточно громко, город ответит.

— И что ты обычно кричишь?

Он на секунду задумался, потом тихо, почти шёпотом, сказал:

— Обычно ничего. Просто слушаю, как он дышит.

Наталия встала рядом, не касаясь его, но так близко, что он чувствовал тепло её плеча.

— Знаешь, — сказала она, глядя вдаль, — я всегда думала, что город — это шум и суета. А тут... тут он будто поёт.

Оптима улыбнулся.

— Вот видишь, — сказал он. — Ты уже понимаешь его язык.

Они стояли и смотрели, как огни мерцают, словно звёзды, упавшие на землю. Время теряло смысл: могло пройти пять минут, а могло — целая вечность. Ветер играл с их волосами, срывал с губ случайные фразы, но оставлял между ними что-то важное — ту самую невидимую нить, которая становилась крепче с каждым мгновением.

Потом они смеялись — громко, искренне, без оглядки. Смех звенел над крышами, отражался от стен, возвращался к ним эхом, и казалось, что сам город смеётся вместе с ними. Наталия рассказала, как в детстве мечтала сбежать из города, а теперь поняла, что хотела сбежать не от него, а от себя. Оптима признался, что боится тишины, потому что в ней слишком громко звучат его собственные мысли.

И в этих признаниях не было ни пафоса, ни драмы — только правда, простая и хрупкая, как тонкий лёд под нога-

ми.

Спускались они медленнее, чем поднимались. Каждый поворот лестницы, каждый шаг по тёмному переулку теперь казался частью чего-то большего. Город больше не был просто фоном — он стал соучастником их вечера, их разговоров, их медленного, осторожного сближения.

Когда они вышли на оживлённую улицу, где снова замелькали фары и прохожие, Наталия вдруг остановилась и посмотрела на Оптиму — прямо, без привычных барьеров.

— Спасибо, — сказала она просто. — За то, что показал мне этот город.

Оптиме хотел ответить что-то остроумное, чтобы вернуть лёгкость, но вместо этого сказал:

— Не за что. Я сам сегодня его заново увидел.

Они шли рядом, не держась за руки, но в их шагах появилась какая-то общая ритмика, будто они уже научились слышать друг друга даже без слов. Город вокруг шумел, светился, жил своей жизнью, но для них в этот вечер он сделал исключение — он замедлился, чтобы дать им время.

И где-то глубоко внутри оба понимали: эта прогулка была не просто «посмотреть на огни». Это был ещё один шаг по тому самому танцу на краю — лёгкому, искрящемуся, опасному. И город, их молчаливый сообщник, шептал: «Не останавливайся».

Глава 4. «Флирт как искусство»

Вечеринка жила своей жизнью — пульсировала, дышала, переливалась полутонами и намёками. В полумраке зала золотистые блики скользили по стенам, по лицам гостей, по хрустальным бокалам, в которых искрилось шампанское. Музыка не кричала, а шептала — ровно настолько громко, чтобы заглушить лишние мысли, но не помешать тем словам, что рождались на границе слуха. Здесь каждый жест был продуман, каждая улыбка — чуть-чуть слишком идеальной, чтобы быть настоящей. Почти все играли роли. Почти все прятались за масками.

И именно здесь, посреди этого изящного спектакля, Оптима и Наталия снова оказались рядом — не случайно, но и не по заранее составленному плану. Просто их притянуло друг к другу, как два магнита, которые делают вид, что не замечают силы, влекущей их вместе.

Оптима стоял у колонны, небрежно прислонившись к ней, и делал вид, что его куда больше интересует узор на мраморной поверхности, чем девушка в тёмно-синем платье, которая только что вошла в зал. Но стоило Наталии бросить на него короткий взгляд — быстрый, почти незаметный, — как его пальцы чуть крепче сжали бокал.

— Ты будто специально выбрал место, откуда видно всех, но сам остаёшься в тени, — сказала Наталия, подходя ближе. В её голосе звучала лёгкая насмешка, но в глазах плясали искорки — не злые, а скорее озорные. — Это стратегия или привычка прятаться?

Оптимист медленно повернул голову и улыбнулся — не широко, а так, чтобы улыбка оставалась личной, предназначенной только ей.

— Я не прячусь, — ответил он спокойно. — Просто предпочитаю сначала рассмотреть картину целиком, прежде чем выбирать, на чём задержать взгляд.

Наталия приподняла бровь, будто оценивая, насколько смело прозвучали эти слова.

— И на чём же ты решил задержать взгляд сегодня?

— На том, что не вписывается в общую картину, — сказал он, не отводя глаз. — На том, что светится ярче, даже когда старается казаться незаметным.

Она чуть склонила голову, будто взвешивала, принять ли этот комплимент или превратить его в шутку. В итоге выбрала второе — но в этой шутке было столько тепла, что она прозвучала почти как признание.

— Значит, я — пятно на безупречном фоне? Спасибо, конечно, но могла бы рассчитывать на что-то более лестное.

— Пятно — слишком грубое слово, — возразил Оптимист, делая шаг ближе, но не настолько, чтобы нарушить её личное пространство. — Скорее — акцент. Тот самый штрих, без которого картина теряет смысл.

Они стояли друг напротив друга, и между ними витал этот тонкий, почти невидимый танец слов. Каждый комплимент был одновременно щитом и мечом, каждая шутка — попыткой проверить, насколько близко можно подойти, не обжог-

шись.

К ним подходили люди — знакомые, коллеги, случайные собеседники, — но каждый раз, стоило кому-то заговорить с Наталией, Оптима незаметно вплетался в разговор, добавляя к нему свою интонацию, свой оттенок, свою лёгкую иронию, которая заставляла всех улыбаться. А когда кто-то пытался увлечь Оптиму разговором о делах, Наталия вдруг вставляла остроумную реплику, которая возвращала его взгляд к ней.

Это была игра — изящная, отточенная, где каждое слово имело вес, а каждая пауза становилась громче любого признания.

В какой-то момент они оказались у окна, за которым город раскинулся, как россыпь драгоценных камней. Здесь шум вечеринки становился тише, а их голоса — чуть откровеннее.

— Знаешь, — сказала Наталия, глядя на огни, но краем глаза следя за его реакцией, — мне кажется, ты тренировался в этом всю жизнь. В искусстве флирта, я имею в виду. У тебя это получается слишком гладко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.